

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ГЕЛИОБИОЛОГИИ В РОССИИ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА НАГОРСКОГО)

П.М.Нагорский (мл.)

Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН
Россия, 634021, г. Томск, пр. Академический, д.10/3, npm_sta@mail.ru

В 2009 году исполняется 85-летие со дня выхода в свет работы выдающегося российского ученого – пионера гелиобиологии **Александра Леонидовича Чижевского**: Физические факторы исторического процесса (Калуга: 1924 г.). Заслуги Александра Леонидовича перед мировой и российской наукой – общеизвестны. Однако идея влияния солнечной радиации и её вариаций на ход биологических и исторических процессов, которую развивал в своих работах А.Л.Чижевский, независимо от его работ была выдвинута и исследовалась и другими учеными, среди которых достойнейшее место занимает **Петр Михайлович Нагорский**.

Нагорский Петр Михайлович, 1948 год. Зав. кафедрой судебной медицины Томского медицинского института с 1949 г. по 1962 г.

Петр Михайлович Нагорский родился 3 марта 1882 г. на Украине, в семье потомственного сельского священника. Петр Михайлович был младшим сыном в большой даже по меркам 19-го века семье, в которой было 10 детей (5 братьев и 5 сестер). Младше его была только сестра Ольга. Его детские годы прошли в селе Кобыжча Черниговской губернии.

Затем он поступил и закончил Черниговскую духовную семинарию. Дальнейший путь его, наверное, мог бы быть традиционным, однако, после блестящего окончания семинарии, когда перед ним открывалась широкая дорога к карьере на духовном поприще и достаточно обеспеченная жизнь, Петр Михайлович принимает весьма неординарное решение: он меняет весь уклад своей жизни, для того, чтобы продолжить образование. По-видимому, образование, которое П.М. Нагорский получил в духовной семинарии, не могло дать ответа на многие вопросы, волновавшие юношу, именно поэтому он сделал решительный шаг и сменил вполне обеспеченную жизнь на полуголодную жизнь студента, вынужденного обеспечивать себя самостоятельно.

Как лицо, окончившее с отличием духовную семинарию, он, по существовавшему в те годы положению, мог поступить только в Томский, Варшавский или Юрьевский (Дерптский, ныне Тартуский) университеты. Петр Михайлович выбирает Томск. Он уезжает из Украины в Сибирь и в 1904 году становится студентом первого курса медицинского факультета Томского императорского университета.

Здесь на его глазах развивались революционные события 1905-1907 г.г., в которых он тоже принимал участие (о чем сохранились архивные данные). На всю жизнь он запомнил и впоследствии не раз вспоминал, как 20 ноября 1905 года со взмаха платка архиепископа Макария с крыльца Троицкого собора после службы началась расправа черносотенцев над участниками волнений и

служащими Управления Сибирской железной дороги, когда в результате погрома были подожжены здание Управления (ныне главный корпус ТУСУРа) и находящийся поблизости городской театр. Тогда погибло более 1300 человек.

На снимках: слева – родители Петра Михайловича, справа – его дед, Иван Яснопольский

Главный корпус Томского императорского университета (фото 18 сентября 1900 года)

Во время обучения в университете, кроме курсов чисто медицинского профиля, читались лекции и велись практические занятия по многим другим предметам (зоологии, минералогии, химии, физике, ботанике и т.д.). Практические занятия по ботанике, например, вел профессор П.Н.Крылов. Среди его педагогов в университете были профессора: П.Павров, И.И.Александрович (Дочевский), П.В.Буржинский, В.В.Бутягин, А.А.Введенский, М.Г.Курлов, П.Н.Лашенков, И.М.Левашев, А.А.Линдстрем, С.В.Лобанов, И.Н.Грамматикати, В.М.Мыш, М.М.Покровский, М.Ф.Попов, Н.А.Рогович, С.М.Тимашев, П.И.Тихов, Н.Н.Топорков [1]. Росписи этих замечательных педагогов сохранились в его студенческой книжке (аналог современной зачетной книжки). Широта и глубина университетского образования очень помогли ему в последующей работе.

Весьма примечательно, что, сдавая государственные испытания, Петр Михайлович получал оценку либо *«весьма удовлетворительно»* (5), либо просто *«удовлетворительно»* (3). Последних было 6 оценок из 21. Оценки «хорошо» – не было вовсе. Окончил Томский императорский университет П.М. Нагорский в 1911 году.

Ещё будучи студентом в г. Томске Петр Михайлович встретил Александру Михайловну Игумнову, 1889 г. рождения, дочь купца (тоже из многодетной семьи). В апреле 1910 года они поженились. Эта была очень красивая пара (см. фото). На следующий (1911) год родился первый сын

– Михаил, а в 1915 году родился второй – Георгий. Хотя Александра Михайловна и не работала, а воспитывала детей, она была верной и надежной помощницей своего мужа. Щедро одаренная от природы, она приняла активное участие в создании восковых муляжей для замечательного музея на кафедре судебно-медицинской экспертизы Томского медицинского института, основанного на реальных событиях и равного которому до сих пор трудно найти.

— 36 —

19¹² годъ. Государств. мед. инст.

— 37 —

Семестръ

Предметы.	Профессоръ.	Число Лекцій.	Часовъ. Практич. занятій.	Подпись профессора		Отметка Деана или секретаря факультета.
				Начало семестра.	Конецъ семестра.	
Медицинская физика	(5) В. Чудов.			В. Чудов.	(5) В. Чуд.	
Физиология	(5) В. Чудов.				(5) В. Чуд.	
Общая анатомия	(5) В. Чуд.			Н. Чуд.	(5) В. Чуд.	
Фармакология	(5) В. Чуд.			Хирург.	(5) В. Чуд.	
Гигиена	(3) Чудов.					
Судебн. мед.	(3) Чудов.					
Кожн. в.	(5) В. Чуд.					
Венер. в.	(5) В. Чуд.					
Нервн.	(5) В. Чуд.					
Офтальм.	(5) В. Чуд.					
Ушн. в.	(3) Чудов.					
Внутр. в.	(5) В. Чуд.					
Эпид. в.	(5) В. Чуд.					
Оперативн. хирург.	(5) В. Чуд.					
Патол. анат.	(5) В. Чуд.					
Нервн. анат.	(3) Чудов.					
Хирург. анат.	(3) Чуд.					
Красав. и Фармак.	(5) В. Чуд.					
Вспомогат.						

Подписан 24.12.1913
Чудов

Фрагмент студенческой книжки Петра Михайловича с государственными испытаниями

После окончания университета в 1911 году он был принят на работу сверхштатным помощником прозектора без оплаты по кафедре патологической анатомии. Работать П.М.Нагорского на кафедру патологической анатомии пригласил заведующий кафедрой, видный ученый-патологоанатом М.М.Покровский [1]. Он очень внимательно следил за работой молодого сотрудника, поддерживал его. Теперь вся дальнейшая его биография целиком и полностью была связана с Томским государственным университетом, а в дальнейшем Томским медицинским институтом (за исключением периода с 1915 по 1917 г.г.). В этот период ему пришлось сполна хлебнуть всех «прелестей» окопной жизни во время I-ой Мировой войны (он воевал на Румынском фронте в Карпатах, в санитарном отряде). Вернулся П.М.Нагорский в г.Томск в университет и к своей семье на крыше теплушки только в самом конце 1917 года, уже после того как фронт окончательно рухнул, а г.Томске уже давно стояла зима. Свое возвращение на крыше теплушки он впоследствии не раз поминал недобрым словом.

За время обучения в университете студентам читались лекции по многим предметам, напрямую с медициной не связанными. А профессор П.Н.Крылов, организатор крупнейшего на востоке России Сибирского ботанического сада при Томском госуниверситете, на недоуменные вопросы будущих врачей отвечал так: «Какой же из вас врач получится, если вы дальше своей узкой науки ничего видеть не сможете. Ведь человек-то живет не под стеклянным колпаком. Его окружает сложная среда». Однако, что же это такое «**окружающая среда**» и как она влияет на организм человека – ни профессора, ни учебники на этот вопрос не могли дать ответа. По совету профессора М.М.Покровского, внимательно следившего за работой молодого сотрудника и поддерживавшего его, П.М.Нагорский решил проанализировать возможную роль окружающей среды на статистике умерших от туберкулеза больных. После переезда М.М.Покровского в 1919 году из г. Томска в Н.-Новгород работы Петра Михайловича поддержал профессор В.П.Миролюбов, ставший в 1920 году заведующим кафедрой патологической анатомии [2]. М.М. Покровского и В.П.Миролюбова Петр Михайлович считал своими наставниками и, вспоминая своих учителей, всегда говорил о них с

особенной теплотой. В 1927 году Петр Михайлович защитил докторскую диссертацию на тему «О бугорчатке как основном заболевании по материалам Томской прозектуры» и ему было присвоено звание приват-доцента (в это время ученые степени были отменены). Спустя 10 лет ему без защиты было присуждена ученая степень кандидата медицинских наук, а затем и звание доцента [4]. В 1949 году он был назначен зав. кафедрой судебной медицины, а в 1950 году утвержден министерством в этой должности.

Петр Михайлович и Александра Михайловна,
1910?г.

Петр Михайлович Нагорский.
I-я мировая война, 1915 г.

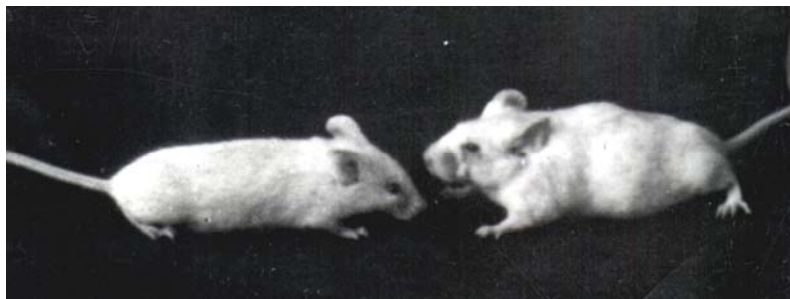
Если А.Л.Чижевский опирался в своих гипотезах, в основном, на биологические и социальные процессы в природе и обществе, то П.М.Нагорский – на факты, следующие из практики врача – патологоанатома. Одно время ему казалось, что он у цели и все достаточно просто: годы войн, голода и революций давали наивысший процент смертности от туберкулеза. Однако и в годы наивысшей смертности от туберкулеза явственно выделялись отдельные дни, когда смертность была особенно массовой, затем следовали периоды затишья, потом новая вспышка смертности и вновь затишье.

Исследуя смертность от туберкулеза, а потом и других массовых заболеваний он одним из первых в мире обратил внимание на *«роковые дни»*. Таким образом, возник вопрос об истинных причинах этого явления, которое в те годы традиционно искали в самом организме, полагая, что все дело в наследственности, а остальное – просто случайные совпадения. И только профессор М.М.Покровский, поддерживая поиски П.М.Нагорского, говорил: *«Помните, в природе нет ничего случайного. Все подчинено определенным закономерностям»*.

Вот тут то и сыграло свою роль университетское образование: на столе П.М.Нагорского появляются работы по физике, химии, астрономии, в том числе работы академика В.И. Вернадского по биосфере. Именно работы Владимира Ивановича Вернадского и подсказали Петру Михайловичу направление, по которому следует искать решение проблемы – космическое и, в частности, солнечное излучение. А раз так, то надо попытаться оградить организм от солнечных и космических лучей. Он начал проверять: как в примитивной свинцовой камере идет рост крысят, прорастание клубней картофеля, регенерация хвостов у головастика, заживление ран и получил, что даже частичное ограничение потока солнечной или космической радиации усиливает жизнедеятельность микробов и простейших.

Окрыленный первыми успехами, Петр Михайлович решил изложить свои сомнения, выводы и заключения перед научной общественностью медицинского института. Однако его идеи, выводы, доказательства медицинская общественность не поняла и не приняла. В этом нет ничего удивительного: точно так же были восприняты научной общественностью (да и не только

медицинской!) идеи и выводы Александра Леонидовича. Справедливости ради надо отметить, что ряд выдающихся российских ученых приветствовал и всемерно поддерживал работы как А.Л.Чижевского, так и П.М.Нагорского. В первом случае – это был К.Э.Циолковский, а во втором – В.И.Вернадский.

Крысята: выросшие в условиях экранирования (справа) и в контрольных условиях (слева)

Глубина и масштабность работ Владимира Ивановича Вернадского произвели на Петра Михайловича столь неизгладимое впечатление, что он всю свою жизнь считал себя его учеником, хотя встречался с ним только один раз в Москве. Вот как это произошло [3]: «Свои сомнения П.М.Нагорский вынес на суд коллег. Профессора Томского госуниверситета физик И.А.Соколов и астроном Н.Н.Горячев помогли создать чертежи биотронов, потребных для этой работы. При первом же публичном выступлении [по проблемам гелиобиологии (1930 г.), прим. ред.] его оппоненты назвали самые очевидные факты «пустыми измышлениями». Я полагал, что моими оппонентами руководит не злая воля, а просто недопонимание, и поэтому я отправился за подкреплением в Москву к биофизику, академику Петру Петровичу Лазареву. Он охотно ознакомился с рефератом моего труда и предложил зайти к нему через два дня, а реферат оставил у себя.

Когда я явился к нему, он, вместо того, чтобы проконсультировать, усадил меня в автомобиль и привез в просторный, уставленный книгами кабинет ученого, с которым я не был знаком. Хозяин принял нас очень приветливо, внимательно выслушал, нашел, что я стою на правильном пути, и настойчиво рекомендовал продолжить работу. «Она может привести к великим открытиям!» - сказал он. Этот человек буквально ошеломил меня своими великими знаниями, широтой кругозора. Я вышел от него просветлённым и окрылённым большими надеждами.

– Кто он? – спросил я у Лазарева.

– Да это же Владимир Иванович Вернадский, последовал ответ.

Только тогда я узнал, кто дал мне в такое относительно небольшое время, так много.»

Что же получилось в конце концов из этих опытов? Авторитетная комиссия, состоящая из серьёзных ученых, отмечала: «В условиях свинцовой камеры П.М.Нагорский наблюдал усиление регенерации у головастиков, усиление пигментации бактерий-сапрофитов, ускорение заживления ран, увеличение вирулентности палочки Григорьева-Шига (возбудителя дизентерии). Но в связи с тем, что камера не имеет измерительной аппаратуры, нельзя сказать за счет чего произошли отмечаемые изменения. Комиссия рекомендует доценту П.М.Нагорскому командировку в Пулково для консультации с Б.М.Рубашевым и другими по вопросу усовершенствования камеры. Нагорский выполнил пожелания комиссии. Он обсуждал возможность усовершенствовать работу со многими известными учеными. Все они одобрительно отзывались о направлении исследований: астрофизик В.А.Крат и биохимик С.Е.Северин, биофизик Г.М.Франк и многие другие».

Вывода, сделанного в конце 20-х годов П.М. Нагорским: *«Организм и среда выступают как две друг друга созидющие и обеспечивающие существование друг другу организованности, развивающиеся в процессе эволюции соответственно условиям своего положения в мега-, макро- и микроскопическом разрезах всего мироздания. У живых существ, населяющих Землю, в биологической среде, а у человека - еще и в социальной. Поэтому, вся жизнь и здоровое состояние и долголетие организма возможны постольку, поскольку его организованность и организованность среды отвечают друг другу и до тех пор, пока организм способен преодолевать все противоречия, которые возникают у него с внешней средой под воздействием космических, в частности солнечных, излучений, радиоактивного распада химических элементов Земли...»*, оказалось вполне достаточно для того, чтобы он занял достойное место среди пионеров гелиобиологии.

Семья П.М.Нагорского. Фото 20 мая 1929 г. Слева направо: Петр Михайлович, Александра Михайловна, Михаил (17 лет), на переднем плане – Георгий (14 лет)

А между тем шло время, подрастали сыновья. Сыновья Петра Михайловича выбрали романтическую профессию геолога и поступили в Томский технологический институт. Однако не только романтика повлияла на выбор профессии, но и изменяющаяся в худшую сторону политическая и идеологическая обстановка в стране. Оба сына подавали большие надежды.

Отчет по геологической практике на Салаире старшего сына – Михаила был настолько хорош, что привел в восхищение академика М.А.Усова и по его рекомендации был впоследствии опубликован отдельной книгой. Младший сын с раннего детства проявлял недюжинные способности к рисованию. Родители всемерно поощряли Георгия – его учителями были известные томские художники Сергей Иванович Голубин и Вадим Матвеевич Мизеров [5, 6].

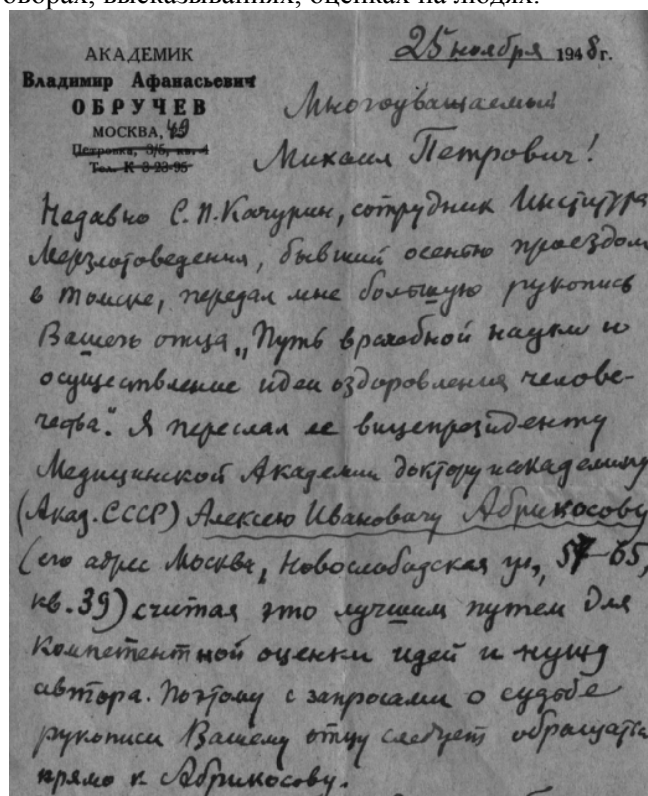

Рисунки Георгия Нагорского. Слева – «Стожок», окрестности г. Томска, 1934 г., тушь; справа – «Западный Алтай», 1940 г., карандаш

Так же как и идеи и воззрения А.Л.Чижевского, идеи и воззрения Петра Михайловича Нагорского вызывали порой просто издевательский прием и откровенные насмешки. Однако Петр Михайлович был весьма и весьма резок в оценках высказываний своих оппонентов, очень остер на язык и нажил себе на научном поприще немало смертельных врагов, которых всегда называл своими лучшими друзьями. Вместе с тем быстро меняющаяся обстановка в стране в 30-е годы прошлого

столетия привела к свертыванию и фактическому запрету на долгие годы работ по гелиобиологии. Заниматься ею становилось все более и более опасным: следует вспомнить пресловутую *«буржуазную теорию солнечных пятен»*. А любое обвинение в преклонении перед *«буржуазной наукой»* могло очень далеко увести. Достаточно вспомнить судьбу самого Александра Леонидовича Чижевского.

Петр Михайлович не только это очень хорошо понимал, но и некоторое время просто был невольным свидетелем происходящего. В 20-ые годы прошлого столетия семья Нагорского жила на втором этаже деревянного дома по Типографскому переулку. Из окон дома был прекрасно виден двор и здание НКВД, которое в те времена занимало трехэтажный кирпичный особняк по пр. Ленина (ныне – художественная школа), а так же то, что там творилось в ночные часы. На рубеже 1929/30 г.г. все жители домов этого переуллка (и Нагорские тоже), из которых можно было увидеть двор НКВД, были расселены по другим адресам. Кроме того, социальное происхождение самого Петра Михайловича (окончил с отличием духовную семинарию, отец – потомственный священник), его супруги (из купеческого сословия), ближайшей родни (жена старшего сына из рода фабрикантов Дудихиных) заставляло как самого Петра Михайловича, так и его семью быть очень осторожными в разговорах, высказываниях, оценках на людях.

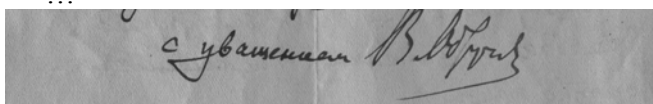

25 ноября 1948 г.

Академик
Владимир Афанасьевич
ОБРУЧЕВ
МОСКВА, 49

Многоуважаемый
Михаил Петрович!

Недавно С.П. Качурин, сотрудник Института Мерзлотоведения, бывший осенью проездом в Томске, передал мне большую рукопись Вашего отца «Путь врачебной науки и осуществление идеи оздоровления человечества». Я передал её вице-президенту Медицинской Академии доктору и академику (Акад. СССР) Алексею Ивановичу Абрикосову (его адрес Москва, Новослободская ул. 57-65, кв. 39) считая это лучшим путем для компетентной оценки идей и нужд автора. Попрошу с запросами о судьбе рукописи Вашего отца следовать обращаться прямо к Абрикосову.

С уважением В. Обручев

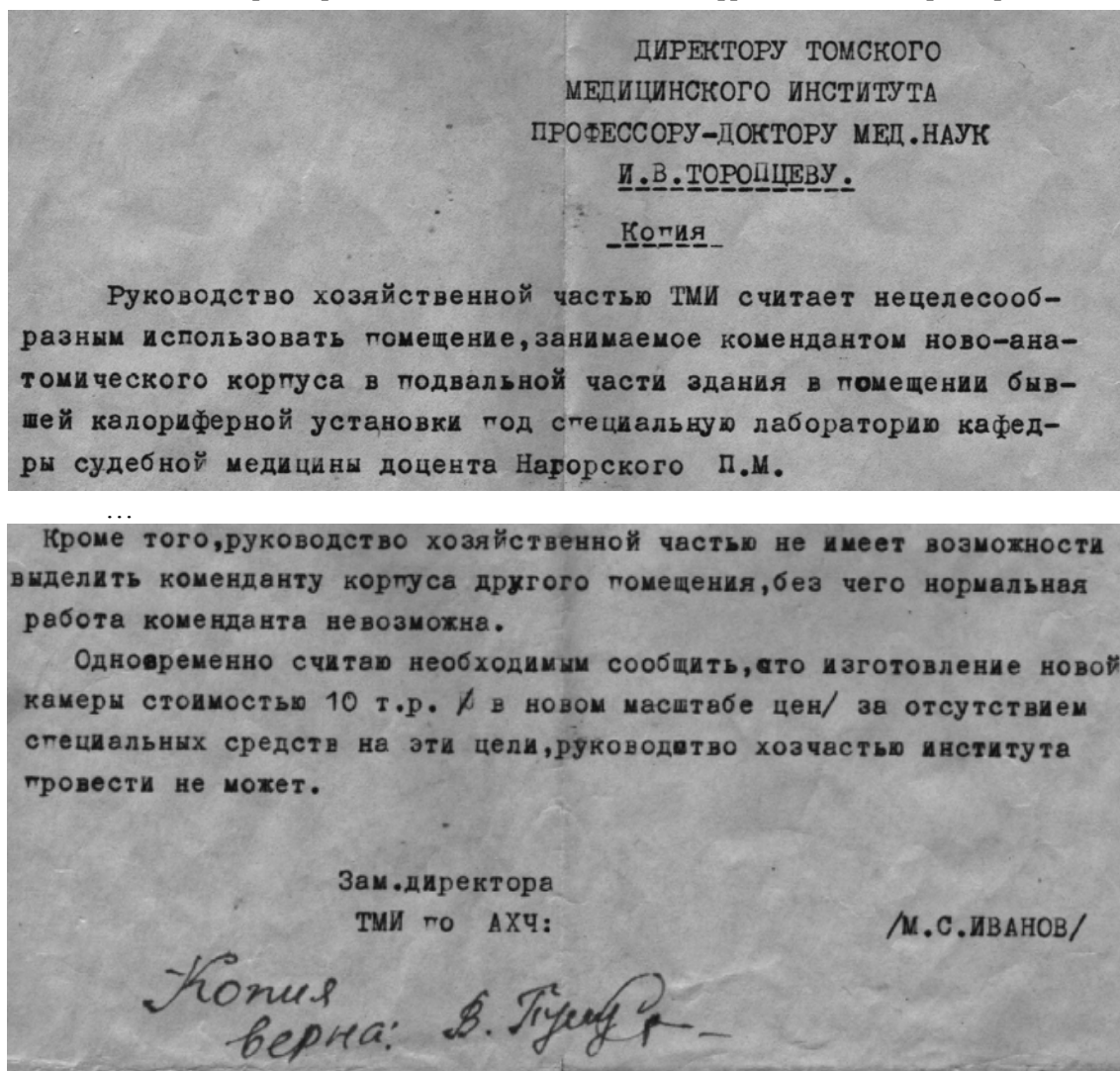
Фрагмент письма В.А. Обручева, адресованного старшему сыну Петра Михайловича – Михаилу

Но никакие идеологические запреты не смогут заставить настоящего ученого отступить. Не отступил и Петр Михайлович. Просто он стал более осторожным в продвижении своих идей. А то, что он даже в очень тяжелые для отечественной науки 40-е годы (время гонений на *«безродных космополитов»*, на *«лженауки»* генетику и кибернетику) стремился к развитию гелиобиологии, свидетельствует переписка его сына с академиком Владимиром Афанасьевичем Обручевым, фрагмент из письма которого приведен ниже. Однако даже помощь и поддержка таких выдающихся ученых мало что могла изменить.

К этому же времени относится и глубокие личные переживания, связанные с началом Великой Отечественной войны и призывом обоих сыновей в действующую армию. За старшего из них (Михаила) горой вступилось руководство треста «Цветметразведка» и по пути на фронт его перед Уралом сняли с воинского эшелона, вручили бронь и срочно направили начальником геологической

партии в енисейско-алтайскую тайгу на поиски так необходимых промышленности страны полезных ископаемых. Младший сын, аспирант геолого-разведочного факультета Томского технологического института, талантливый художник, пропал без вести во время боев под Смоленском в августе 1941 года. С потерей младшего сына Петр Михайлович и Александра Михайловна никогда не смогли смириться. Они прилагали отчаянные усилия по поиску места его гибели, очень хотели найти его могилу, писали многочисленные запросы в самые различные инстанции, но все было тщетно – судьба его так и осталась неизвестной. Александра Михайловна умерла с именем младшего сына на устах – это было ее последнее слово.

Дальнейшее развитие своих идей Петр Михайлович, как истинный врач, *видел в поиске методов, способов и средств защиты живых организмов от разбушевавшейся, неведомой до сих пор, стихии*. Массу сил и энергии пришлось потратить ему на то, чтобы доказать необходимость и осуществить постройку в подвале Ново-анатомического корпуса ТМИ второй, гораздо большей по объему свинцовой камеры – биотрона для изоляции живых организмов от потока космических (в том числе и солнечных) излучений и радиации. А ведь ему было уже более 65 лет. Помехи и палки в колеса возникали постоянно, с самой неожиданной стороны. Типичным примером тому может служить Докладная зам. директора ТМИ по АХЧ М.С.Иванова, фрагмент из которой приведен ниже.

Докладная зам. директора ТМИ по АХЧ М.С.Иванова

Однако все препоны были преодолены, и результаты введения в строй новой камеры не замедлили сказаться. Дизентерийная палочка, помещенная в камеру и изолированная от воздействия излучений на несколько суток, становилась гораздо более агрессивной; азотные бактерии развивались значительно быстрее в камере, чем в обычных условиях; вдвое быстрее, чем в контрольной группе, регенерировались отрезанные хвосты головастика и т.д. Было проведено и множество других интереснейших опытов.

Вывод из проведенных опытов казался очень простым – нужно как можно более детально изучить механизмы воздействия солнечного и космического излучений на живые организмы, включая человека, и тогда можно будет найти способы надежной защиты. Прошло уже более трех четвертей века, а проблема (механизмы воздействия солнечного и космического излучений на живые организмы, включая человека) до сих пор далека от своего решения. Хотя сейчас уже никто не отрицает влияния вариаций солнечной активности на состояние живых организмов, включая человека, а над решением этой проблемы напряженно трудятся ученые самых разнообразных специальностей во всем мире: медики и геофизики, математики и химики, биологи и астрофизики.

За время работы в Томском госуниверситете и Томском медицинском институте Петр Михайлович прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой судебно-медицинской экспертизы, был награжден значком Отличника здравоохранения за № 1190, медалью За доблестный труд в Великой Отечественной войне и, проработав в институте более 50 лет, в 1962 году стал пенсионером. Став пенсионером, он не изменил своим привычкам и продолжал (практически до своей кончины, последовавшей 16 августа 1971 года) работать как над проблемами гелиобиологии, так и судебно-медицинской экспертизы.

Вспоминая о развитии гелиобиологии и о её пионерах, нельзя не упомянуть и талантливого ученика П.М.Нагорского: Владимира Павловича Десятова, участника Великой Отечественной войны, возглавлявшего после ухода П.М.Нагорского на пенсию в течение 27 лет кафедру судебной медицины. Если в своих работах в области гелиобиологии П.М. Нагорский опирался на материалы паталого-анатомических исследований, то проф. В.П.Десятов подошел к анализу этой проблемы как ученый-судмедэксперт. Результаты, полученные им при анализе дорожно-транспортных происшествий (ДТП), показали прямую связь числа ДТП с мощными вспышками на Солнце (см. таблицу, в которой приведено относительное число ДТП и которая не нуждается в комментариях). Причем *«роковые дни»* наступали на второй день после вспышки, а число ДТП и их тяжесть возрастали в годы спокойного Солнца.

Таблица.

Годы	День после вспышки на Солнце			Спокойные дни
	I-ый день	II-ой день	III-ий день	
1958	0.10	0.20	0.08	0.09
1959	0.11	0.21	0.04	0.03
1960	0.11	0.21	0.11	0.09
1961	0.16	0.31	0.16	0.09
1962	0.19	0.36	0.18	0.08

Удостоверение Отличника здравоохранения П.М.Нагорского

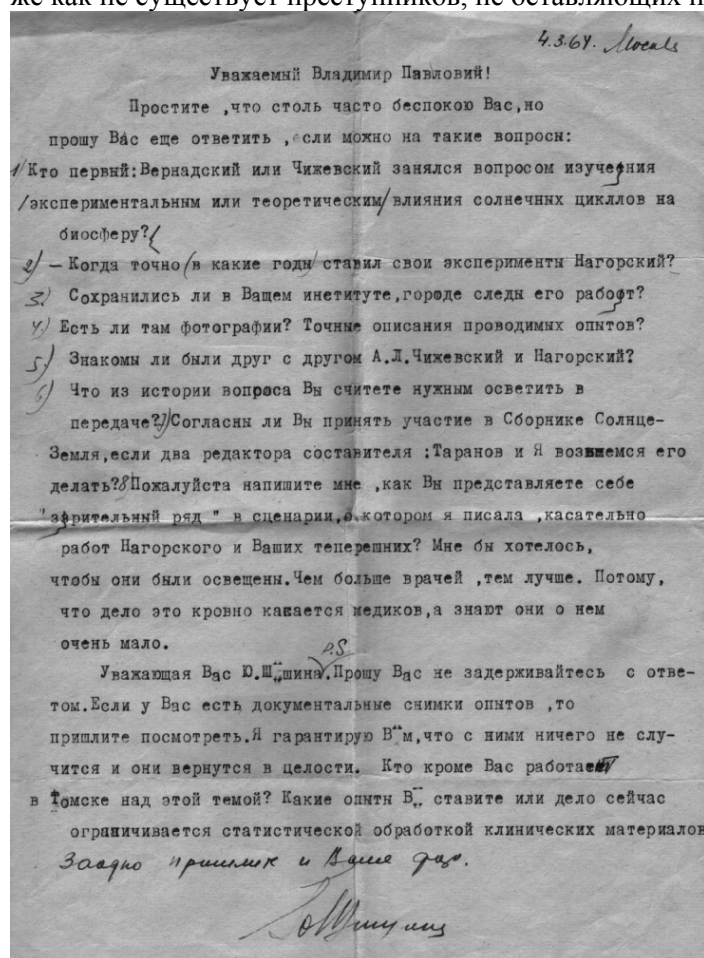
Исторически получилось так, что два пионера гелиобиологии (А.Л.Чижевский и П.М.Нагорский) не смогли встретиться. Мало того, хотя свои идеи, сомнения, выводы оба пионера гелиобиологии активно стремились представить научной общественности, о работах друг друга они очень мало знали. Друг о друге они узнали только в 50-х – начале 60-х годов, когда Александру Леонидовичу было около 70, а Петру Михайловичу – около 80 лет. Свидетельством тому является письмо Ю.Г.Шишиной, соавтора Александра Леонидовича по монографии [3], вышедшей уже после его смерти (через 5 лет), в котором она перед проф. В.П.Десятовым в ряду других ставит вопрос и о приоритете.

Такому положению дел очень способствовал ряд известных вывертов нашей недавней истории. Однако практическое освоение космоса и возникшие при этом научные и практические проблемы

космической биологии и медицины вдребезги разнесли казалось бы совершенно неприступные бастионы противников «буржуазной теории солнечных пятен» и гелиобиология наконец-то! получила права гражданства. Пионеры гелиобиологии начали переписываться, у них была договоренность о личной встрече, но случилось непоправимое: 20 декабря 1964 года умирает Александр Леонидович.

Когда Петр Михайлович говорил о проблемах гелиобиологии, то очень часто подчеркивал: «Медики меня пока! не понимают, а физики (и приводил в пример ученых – физиков из Томского госуниверситета, Сибирского физико-технического института при Томском госуниверситете, Томского политехнического института, других ВУЗов) говорят – неужели может быть иначе».

До последних дней своих Петр Михайлович интересовался разнообразными научными и философскими вопросами. И не просто интересовался, а стремился понять сущность физических либо химических процессов, понять, как их следует применить для дальнейшего развития гелиобиологии, медицины, судебно-медицинской экспертизы. Как судмедэксперта и патологоанатома, обладающего колоссальным опытом и авторитетом, его практически до самой кончины регулярно привлекали к анализу наиболее сложных криминальных случаев. По этому поводу он всегда говорил так: «Нет таких преступлений, которые невозможно было бы раскрыть, так же как не существует преступников, не оставляющих никаких следов».

Копия письма Ю.Г.Шишиной
профессору В.П.Десятову от 4 марта 1964 г.

4.03.64. Москва

Уважаемый Владимир Павлович!

Простите, ... прошу Вас ещё ответить, если можно на такие вопросы:

- 1) Кто первый: Вернадский или Чижевский занялся вопросом изучения влияния солнечных циклов на биосферу?
 - 2) – Когда точно (в какие годы) ставил свои эксперименты Нагорский?
 - 3) Сохранились ли в Вашем институте, городе следы его работ?
 - 4) Есть ли там фотографии? Точные описания проводимых опытов?
 - 5) Знакомы ли были друг с другом А.Л. Чижевский и Нагорский?
 - 6) Что из истории вопроса Вы считаете нужным осветить в передаче?
 - 7) Согласны ли Вы принять участие в Сборнике Солнце-Земля,
 - 8) Пожалуйста напишите мне, как Вы представляете «зрительный ряд» в сценарии, ... касательно работ Нагорского и Ваших теперешних. ... Чем больше врачей, тем лучше. Потому, что это дело кровно касается медиков, а знают они о нем очень мало.
- Уважающая Вас Ю.Шишина. P.S. ... Кто кроме Вас работает в Томске над этой темой? Какие опыты Вы ставите Заодно пришлите и Ваше фото.

Его, человека, получившего солидное духовное образование, особенно интересовали вопросы происхождения, как он выражался, «*всего сущего*». В спорах со своим внуком, студентом-радиофизиком, изучавшим вначале 60-х годов диалектический материализм в Томском госуниверситете, тоже Нагорским Петром Михайловичем, он говорил так: «Ты утверждаешь, что вначале была материя, а затем – идея, я же утверждаю обратное: вначале была идея, а затем – материя. Однако, наверное, мы оба неправы: никто при этом не присутствовал, а других весомых аргументов в пользу той или иной гипотезы – пока нет».

Петр Михайлович Нагорский был очень яркой, запоминающейся личностью. Блестящее светское и духовное образование, прекрасная речь, потрясающая эрудиция в самых разнообразных

областях делали его чрезвычайно интересным собеседником. Он очень быстро становился душой любой кампании, был весьма и весьма галантным кавалером, понимал и ценил юмор. В его присутствии молодежь никогда не чувствовала себя скованной и огромной разницы в возрасте просто не замечала. Хмельного – не чурался, однако пьянства никогда не уважал. Резко отрицательно относился к «ненормативной лексике» – никто и никогда не слышал от него бранных слов и выражений. Любил путешествовать и никогда не сторонился людей. На пенсию ушел тогда, когда от курения голоса не стало хватать на лекционную аудиторию в 200-300 человек. Курить он начал с 5-6 лет и бросил в 85.

Рисунки Георгия Нагорского. Слева – художник С.И.Голубин, не ранее 1932 г., карандаш; справа – П.М.Нагорский, 1932 г., тушь, перо

Как врач, даже в преклонном возрасте, днем или глубокой ночью никогда и никому не отказывал в медицинской помощи. Никогда не отказывал в моральной и материальной поддержке действительно нуждающимся людям. Так, всемерную помощь и поддержку он оказывал Сергею Ивановичу Голубину на протяжении последних лет его жизни (потерявшему зрение и фактически забытому всеми замечательному русскому художнику, ученику И.Е. Репина [6]).

Известно, что всякая научная идея проходит три стадии: сначала – **полного отрицания**; потом фазы, когда говорят – **ну попробуйте, может что-либо у вас и получится**; и в конце – **так иначе же и быть не может**. В этом плане П.М. Нагорский считал себя очень счастливым человеком: он воочию увидел торжество идей гелиобиологии – науки, становление которой стало делом всей его жизни.

Литература

1. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Т. 1. 1888-1917. / Под ред. Фоминых С.Ф. Томск: Изд-во ТГУ. 1996. 288 с.
2. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Т. 2. / Под ред. Фоминых С.Ф. Томск: Изд-во ТГУ. 1998. 544 с.
3. Чижевский А.Л., Шишина Ю.Г. В ритме Солнца. М.: Наука. 1969. 112 с.
4. Алябьев Ф.В., Осипов А.И., Шамарин Ю.А., Шнайдер А.Д. Кафедра судебной медицины / В сб. Страницы истории лечебного (медицинского) факультета Сибирского государственного медицинского университета (1888-2008). Томск: Изд-во Иван Федоров. 2008. С. 219-225.
5. Вадим Мизеров. Каталог произведений. Томск: Изд-во Красное Знамя. 1990. 16 с.
6. Пивкин В.М. Художник Сергей Голубин. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. 1973. 45 с.